

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-57-74

Н.Б. Селунская

**ОБРАЗЫ «РУССКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ» И «НАРОДНЫХ
ИЗБРАННИКОВ» В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ
НАЧАЛА XX в.**

N.B. Selunskaya

**THE IMAGES OF “RUSSIAN VOTER” AND “PEOPLE’S
DEPUTIES” IN THE DISCURSIVE PRACTICES
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

Аннотация. Тенденции развития современной историографии во многом определяются влиянием лингвистического поворота на методологию изучения российской истории, в том числе в плане развития практик использования дискурсивного анализа применительно к текстовым источникам, отражающим мировосприятие современников. Историческое сообщество осознало методологическую несостоятельность как использования научного языка западной академической науки, так и поиска универсальных исторических понятий, пригодных для изучения истории любой страны, независимо от ее социокультурного своеобразия. На первый план выдвинут принцип контекстуальности, т.е. исследования исторических явлений в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление, что актуализирует обращение к политической истории Российской империи с использованием новой оптики ее видения — методологии дискурсивного анализа текстов современников. Познавательные возможности названного подхода можно продемонстрировать на примере анализа языка текстов, представляющих контент публичного и мемориального дискурсов о выборах в Государственную думу Российской империи, избирателях и народных избранниках. В фокусе внимания автора — понятия, употребляемые современниками, в которых отражалась историко-культурная национальная специфика восприятия «русского избирателя» и «народных избранников» как акторов исторического процесса, которые были призваны «участвовать в судьбе своей страны». Так, раскрытие смысла наиболее часто употребляемого понятия «русский» в дискурсе современников включает

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Selunskaya Natalia Borisovna, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

selounsk@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-6931-0772

понимание его и как репрезентации хранителя традиции национальной политической культуры, и как центростремительной силы, сплачивающей русских в их осознании своей этнокультурной идентичности. Эта специфика зафиксирована в объяснении современниками значимости проекта народного представительства, «дарованного царской волей», который представляет собой форму «исконно русского самодержавия». Осознание гражданской идентичности русским избирателем в публичном и мемориальном дискурсах современников представлено восприятием «выборных от населения» как «своих» в отличие от правительственных чиновников, выступающих в образе «чужого». Раскрывая аутентичный смысл понятий, которыми пользовались современники, возможно уяснить ценностный мир, правила социальной коммуникации людей в поворотный исторический период реформ и революций в России начала XX в.

Ключевые слова: Государственная дума, дискурсивный анализ, лингвистический поворот, идентичность, русский избиратель, народные избранники, концепт.

Abstract. Trends in modern historiography are largely determined by the influence of the linguistic turn in the methodology of study of Russian history, including the development of discursive analysis of textual sources which reflect the worldview of contemporaries. The historical community has realized the methodological inadequacy of both the use of the Western scientific language and the search for universal historical concepts suitable for the study of the history of any country, regardless of its socio-cultural uniqueness. Currently, the principle of contextuality is brought to the forefront, that is, the study of historical phenomena within the socio-cultural environment that gave rise to this phenomenon, which actualizes the treatment of the political history of the Russian Empire with the use of new optics, i.e., the methodology of discursive analysis of the texts of contemporaries. Cognitive possibilities of the named approach can be demonstrated on the example of the analysis of the language of the texts representing the content of public and memorial discourses about the elections to the State Duma of the Russian Empire, voters and people's deputies. The author focuses on the concepts used by contemporaries, which reflected the historical and cultural national specificity of the perception of "Russian voter" and "people's representatives" as actors in the historical process, who were called to "participate in the destiny of their country". Thus, the disclosure of the meaning of the most frequently used concept "Russian" in the discourse of contemporaries includes its understanding as a representation of the guardian of the tradition of national political culture, and as a centripetal force, uniting Russians in their awareness of their ethno-cultural identity. This specificity is recorded in contemporaries' explanation of the significance of the project of the representation of people, "granted by the tsar's will", which represents a form of "inherently Russian autocracy". The Russian voter's awareness of civic identity in the public and memorial discourses of his contemporaries is represented by the perception of "elected ones from the population" as "their own" in contrast to the government officials who act as "aliens". Revealing an authentic meaning of the notions, used by the contemporaries, it is possible to understand the world of values, rules of social communication during the decisive historical period of reforms and revolutions in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: State Duma, discourse analysis, linguistic turn, identity, Russian voter, people's deputies, concept.

* * *

Как известно, у историка нет доступа к прошлому, которое является объектом исследования, но есть исторический источник как некая базовая информация о прошлой реальности. Вот почему исследователь вынужден вступать в контакт с различного рода «репрезентациями» событий прошлого, в том числе — «вести диалог» с сообщениями, наблюдениями, свидетельствами, зафиксированными современниками в различного рода текстах, и на их основе конструировать нарратив о тех событиях, исторических фактах и явлениях, которые выбраны для изучения.

Популярный сегодня в историческом сообществе социокультурный подход рассматривает историописание как «культивирование нашего отношения к прошлому», для которого источник играет роль «артефакта культуры», следа, оставленного человеком и миром, который непременно должен быть вовлечен в диалог между прошлым и настоящим, втянут в конкретный дискурс. Этот дискурс оценивается историками как одно из проявлений современной культурной коммуникации, к которому вынуждает «тоска по познанию прошлого», «потребность участия в нем»¹. Именно социокультурный подход определяет и особое внимание историка к методу дискурсивного анализа, который именуют также, как элемент структуры историко-семантического анализа.

Целью статьи и будет демонстрация и оценка познавательного потенциала интерпретационных методов анализа текстов современников на примере выявления социокультурной национальной специфики репрезентаций образов «избирателя» и «избранников» в новый институт народного представительства в России — Государственную думу. В фокусе внимания будет язык текстов авторов — современников исторического периода начала XX в., процесса рождения «новой роли русского избирателя» и «народных избранников», и прежде всего — концепты, конструирующие эти образы и их интерпретации историком-источниковедом, обратившимся к ним сегодня.

Актуальность разработки методологических аспектов заявленной темы определяется особенностями интеллектуальной ситуации в современной исторической науке, связанными с влиянием «лингвистического поворота» на методологию изучения российской истории. Представляется весьма убедительной позиция российских

---

¹ Вжосек В. Культура и историческая истина. М., 2019. С. 231.

ученых-методологов, которая связывает развитие практик использования дискурсивного анализа с «необходимостью разработки научного языка, адекватного для изучения исторических реалий вне западноевропейского ареала». Основанием для подобного утверждения является тот факт, что «использование научного языка западной академической науки, который сформировался в определенной когнитивной среде при изучении западноевропейской истории, затрудняет понимание и объяснение иных социокультурных исторических реалий»². Высказанные А.В. Лубским соображения о признании историческим сообществом методологической несостоятельности «поиска универсальных исторических понятий, теоретических конструктов, пригодных для изучения истории любой страны независимо от ее социокультурного своеобразия» и о возрастающей значимости принципа контекстуальности, т.е. исследования исторических явлений в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление, актуализируют обращение к политической истории Российской империи с использованием новой оптики ее видения — методологии дискурсивного анализа.

Представляется важным отметить влияние «лингвистического поворота» на появление в методологическом арсенале историка дискурсивного анализа, который подвергается в историографии как осмыслению его познавательных возможностей в контексте новой парадигмы, так и использованию в практиках исторических исследований в качестве методики историко-когнитивного, семантического анализа смысла понятий, категорий, составляющих содержание авторских текстов³. Внутри этой области выделяются два различных конкурирующих подхода, две национальные школы, сложившиеся в конце 1960-х гг.: кембриджская школа, основателями которой являются Д. Данн и К. Скиннер, и немецкая школа, инициированная Р. Козеллеком и его последователями. Как отмечается в историогра-

---

² Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после пост-модернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 17.

³ Селунская Н.Б. Современный язык историка-профессионала (рец. на книгу: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. (Образы истории; отв. ред. серии Л. П. Репина)) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2 (26). С. 251–253; Поршнева О.С. Становление дисциплинарной парадигмы современного исторического знания, ее возможности и ограничения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2013. Т. 12. № 1. С. 784–791; Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс. М., 2002. № 3. С. 7–19; Керов В.В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: люди, идеи, власть / Отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М., 2002. С. 80–101.

фии, К. Скинер охарактеризовал историю понятий как «историко-ориентированный подход к изучению моральной и политической мысли», отрицающий возможность существования «долгих историй понятий, которые как раз в фокусе внимания “немецкого проекта”»⁴. Так, методологический подход Р. Козеллека характеризуется признанием неразрывной связи социальной истории с «историей понятий», которые нацелены на долгосрочные, диахронно действующие условия⁵.

В начале XXI в. заметно усилился интерес российских историков к истории понятий. В историографии даже упоминается о «формировании петербургской “школы истории понятий”», лидерами которой названы Н.Е. Копосов и А.И. Миллер⁶. Своеобразным показательным итогом деятельности этой школы стала публикация в 2006 г. сборника «Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века». Необходимо отметить признание того, что базовым принципом методологии истории понятий является утверждение, что адекватное понимание истории общества возможно только в том случае, когда исследователь понимает язык прошлого, те понятия, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих взглядов, представлений или мотиваций своих действий⁷. Вместе с тем, приоритетной является задача, связанная с исследованием изменения смыслового наполнения понятий, а не изучением истории слов. При этом историками признается, что особая область историко-лингвистических исследований «история понятий» относится в основном к политической сфере.

Современное внимание к политической истории актуализировано еще и теми трансформациями в этом домене истории, которые связаны с «историческим», «культурным» и «мемориальным» поворотами. Так, по мнению В. Вжосека, политическая история является «основополагающим видом» исторических сочинений, практики которого следует, однако, обогатить, например, дополнив

---

⁴ *Калашиников М.В.* Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // *Историческая наука сегодня: теория, методы перспективы* М., 2011.

⁵ *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века* / Редкол.: Н.Е. Копосов, М.М. Кром, Н.Д. Потапова. СПб., 2006. С. 33.

⁶ *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века*. С. 9–32; *Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // *Российская история*. 2009. № 1. С. 151–165.

⁷ *Тимофеев Д.В.* Методология истории понятий в контексте истории дореволюционной России. Перспективы и принципы применения // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 116–138.

академическую историческую интерпретацию политики прошлого, ее отдельных этапов, фактов и событий их историко-культурологической интерпретацией, в том числе, путем включения научного, художественного, политического, публичного дискурсов. Эти дискурсы должны рассматриваться как «способы смыслонаделения мира прошлого», формирования его образа в национальной культуре, в коллективной памяти с его исторической конкретикой: изменчивостью, вариативностью опыта и его освоения, переживания и осмысления⁸. Примером подобного опыта анализа публичного дискурса накануне первой выборной кампании в Государственную думу в контексте социокультурного подхода к изучению «демократической культуры», новой политической «культуры участия» в Российской империи и других империй в начале XX в. является, в частности, исследование с участием и автора статьи⁹.

Исторический контекст формирования образов «русского избирателя» и «народных избранников», т.е. политическая ситуация в России в начале XX в., была настолько сложной, что из нее, по мнению современников, «другого, не кровавого, выхода нет». Однако именно в этот период появились новые возможности у населения выступить в новой роли «русского избирателя» или стать «народным избранником» в ходе первых выборов в Государственную думу. То, как реализовывались эти новые возможности выбора, каким представлялся образ русского избирателя и народного избранника, нашло свое отражение в контенте публичного и мемориального дискурсов, которые вели современники с различным личным и социальным опытом, системой ценностей и оптикой видения событий в России и в эмиграции.

В историографии убедительно доказан огромный интерес современников (ученых, политиков, общественных деятелей, публицистов, юристов) к Государственной думе и к выборам, о масштабах которого свидетельствуют библиографические указатели, изданные в 1913–1916 гг. и после революции и содержащие от 400 до более 800 наименований¹⁰. Таким образом, в распоряжении историков имеется колоссальный информационный ресурс, содержащий образы и репрезентации, прежде всего, «народных избранников», а также и

---

⁸ Вжосек В. О необходимости культурологической дистанции в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. С. 61–74.

⁹ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века М., 2005.

¹⁰ Кошкидько В. Т. Представительная власть в России в начале XX в. в дореволюционной историографии // История и историки: историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 154–171.

«нового избирателя». Кроме того, ценность подобного рода источниковой базы для изучения социокультурной специфики репрезентаций восприятий современниками основных акторов выборного процесса в думу определяется значимостью для исследования прошлого концепции «зрения как главного источника познания»¹¹.

В процессе отбора текстов историк должен учитывать их репрезентативность. Так, по мнению исследователей, использование лишь текстов «великих исторических персонажей» или известных авторов является недостаточным и может привести к «иллюзорному» выводу об общепринятости понятий и высказываний, содержащихся в подобного рода текстах¹². Преодоление подобной ограниченности и недостаточности видится «в жанровом многообразии» привлекаемых текстов, а также в «расширении круга их создателей», т.е. путем, по выражению К. Скиннера, включения всей «подручной» литературы той или иной эпохи¹³.

Познавательные возможности названного подхода можно продемонстрировать на примере анализа языка текстов современников, представляющих контент публичного и мемориального дискурса о выборах, избирателях и народных избранниках. Отобранные тексты разнообразны по жанрам и целеполаганию, но фиксируют авторское восприятие выборов, «нового избирателя» и «народных избранников» в образах и репрезентациях. То есть, эти источники объединяет, во-первых, тот факт, что они написаны современниками тех исторических событий, а, во-вторых — в жанре, так сказать, «малых форм», а значит, отличаются аутентичностью восприятия и лаконичным изложением. Вместе с тем, весьма существенными являются различия в идеологии, социальном статусе, образовании, степени аналитики и характере оценок у авторов привлекаемых текстов. Таким образом, выполняются необходимые условия для аппликации методологии дискурсивного анализа: в распоряжении историка имеются тексты, разнообразные по жанру и авторству, но содержащие непосредственное видение современниками «ситуативного контекста» происходящего, в том числе, акторов выборов в Государственную думу Российской империи. В контексте дискурсивного анализа тексты современников рассматриваются как языковое выражение социальных практик в политической сфере. Вот почему важно фокусировать

---

¹¹ Эта концепция, как подчеркивается в историографии, связана с работами Жака Ле Гоффа, его «переводом» и интерпретациями самого слова «история» как «тот, кто видит» (свидетель, очевидец), тот, кто знает. См.: Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. С. 222.

¹² Тимофеев Д.В. Указ. соч. С. 125.

¹³ Там же.

внимание на таких понятиях, выбранных из текстов и употребляемых современниками, через которые они конструировали образ «нового избирателя» и «народных избранников».

Среди брошюр, появившихся непосредственно в канун выборов, надо обратить внимание на публикации популярного характера, разъясняющие процедуру участия населения в предстоящих выборах и смысл открытия Государственной думы. К такого рода публикациям, например, относятся брошюры «Пред выборами в Государственную думу», «Спутник избирателя» и др.¹⁴ В них давалась характеристика «избранников» и объяснялась необходимость их избрания в Думу тем, что «до сих пор царь управлял Россией только через министров, губернаторов и прочее начальство (здесь и далее курсив мой. — Н.С.)», но «Россия так велика», что «трудно разобраться в делах разных местностей», что нужно «такое учреждение, где *простой неслужащий человек, выбранный из своих же*, мог бы помогать Царю и правительству выработать законы». Но такого учреждения пока нет, хотя *русский народ* живет уже больше 1000 лет. «Вот Государь и решил, что пора дать *этому народу* возможность самому заявить о своих нуждах и самому обдумывать, как поправить свои беды. Сделать это народ сможет в Государственной думе»¹⁵. Сразу обращает на себя внимание репрезентации в тексте власти через концепты «начальство», «министры и губернаторы» как проводники воли царя, инструменты «управления» Россией. Новое же «учреждение» представлено оценочными понятиями — «простой неслужащий человек», «из своих». Два момента обращают на себя внимание. Во-первых, новое учреждение отделено от понятий «начальство», «управление» страной и таким образом не ассоциируется с понятиями, идентифицирующими власть. Это отличие «нового учреждения» от «старой власти» еще подкреплено и характеристикой образа «избранника» как «простого», т.е. «неслужащего». Во-вторых, ключевым в характеристике нового учреждения является концепт «из своих» как индикатор общей идентичности «избирателя» и «выбранного». Кроме того, образ избирателя наполнен этнокультурным содержанием. Как видим, речь идет о «русском народе», нуждающимся в названном учреждении, но не имеющим его, несмотря на долгую историю своего существования.

---

¹⁴ Спутник избирателя на 1906 год: Освободительное движение и современные его формы: Справочная книга для желающих ориентироваться в современном общественном движении. СПб., 1906; Пред выборами в Государственную думу, 1906; Сведения о порядке выборов в Государственную Думу, необходимые каждому избирателю / Союз 17-го октября. М., 1905.

¹⁵ Пред выборами в Государственную думу... С. 2.

О новой роли «русского избирателя» говорится и в издании, именуемом «Спутник избирателя на 1906 год» с подзаголовком «Освободительное движение и современные его формы». В этом издании уже на титульной странице обозначена его функция: «справочная книга для желающих ориентироваться в современном общественном движении». В статье от издателя говорится: «Начинающееся с 1906 года участие *русских граждан* в политической жизни страны рождает потребность в таком издании», которое «помогло бы ориентироваться каждому *русскому избирателю* в новой для него роли». Это издание планировалось как ежегодное, т.е. периодическое, с общим обзором событий и в особенности — касающихся деятельности Государственной думы, «в связи с важнейшими вопросами, выдвинутыми жизнью». И вновь обращает на себя внимание в обращении к избирателю и в формулировании целей издания повторяющаяся характеристика национальной принадлежности нового избирателя, но уже как гражданина, т.е. актора политического процесса, наделенного законодательно закрепленными правами «избирать и быть избранным».

Хорошо известно и многократно подтверждено в историографии, что в наблюдениях и высказываниях определенных групп консервативно настроенных современников, хранителей национальной самобытности России, в частности, представителей крайне правых партий, членов «Союза русского народа», часто употребляется понятие «русский» как этнокультурный долговременно действующий и выступающий хранителем традиции национальной политической культуры фактор и как центростремительная сила, сплачивающая русских в их восприятии своей политической культуры. Весьма показательны приведенные в историографии истории выборов в Государственную думу интерпретации понятий «истинно русского самодержавия» как оппозиция концепту «привнесенного с Запада после воцарения Петра I абсолютизма», нарушившего русскую традицию самодержавия. Выразители взглядов «русского народа» утверждают, что именно абсолютизм явился такой формой правления, при которой царь правит единолично, не сообразуясь с желаниями народа, так как между ними возникло «средостение», своеобразная «стена» из чиновников и бюрократов, облеченных неограниченной властью в своих сферах и препятствующих тому, чтобы голос народа доходил до царя. А вот «дарованное царской волей» «Положение о выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г. представляет собой форму «исконно русского самодержавия», а потому все *русские люди* должны «твердо держаться за этот проект *народного*

представительства»¹⁶. Особенно значимым является появившийся и устойчиво присутствовавший в восприятиях современников различной идеологии, образования, социального статуса концепт «народное представительство». В данном случае он употребляется в контексте феномена «исконно русского самодержавия», ибо оно даровано царской волей и является формой продолжения традиции русской политической культуры.

В разных тональностях, но с удивительным постоянством современники говорят о специфике нашей национальной традиции в сфере политической культуры. Предпринятый анализ на ограниченном комплексе брошюр, хранящихся в библиотеке Московского университета, в которых содержится своеобразный публичный дискурс, который вели представители различных политических течений по поводу института Государственной думы, позволил выявить критические оценки своеобразия «исторических традиций» либерально настроенными авторами¹⁷. Как подчеркивалось участниками дискурса, «у нас была своя традиция, очень почтенная — традиция бюрократического самовластия. Она тяготеет над *русским народом* целые века, ей мы обязаны целым рядом экспериментов над нашим государственным организмом всегда с одной и той же целью — принести в жертву бюрократии интересы народа»¹⁸.

Примерами брошюр, написанных современниками на исторические и политические темы и содержащих политические оценки выборного процесса в думу, условий приобщения российского общества к политической жизни, являются работы Ольги Акимовны Волькенштейн (1871–1942), журналистки и писательницы, сотрудничавшей во многих периодических изданиях и занимавшей руководящие посты в «Союзе равноправия женщин». Она написала в 1906–1908 гг. серию работ, где ставились актуальные проблемы, с которыми может столкнуться новый русский избиратель, а именно: «Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок» (1906), «Кому и зачем нужно всеобщее избирательное право» (1906), «Кого и как выбирать в Государственную думу?» (1906). В последней из указанных работ автор называет задачи, которые должен решить новый избиратель, приступая к выборам: «Первая задача состоит в том, чтобы послать в Думу *лучших людей*, которые ясно изложат все *народные требования* и неуклонно будут их отстаивать. Вторая задача

---

¹⁶ Патрикеева О.А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные думы (1905–1907 гг.). СПб., 2005. С. 79.

¹⁷ Селунская Н., Тоштендаль Р. Указ. соч. Глава 3. Развитие политической сферы.

¹⁸ Там же.

заключается в том, чтобы народ весь тесно сплотился, организовался и, как один человек, поддержал бы Думу, если она будет стоять за *народные нужды*»¹⁹. Так как, по мнению автора, «без единения, без организации не одолеть многомиллионному *русскому народу* малой кучки *насильников и угнетателей*»²⁰. Как видим, что образ «избранников» представлен концептом, содержащим их нравственно-эмоциональную оценку как «лучших людей», которая тут же уточнена пояснением ее содержания: таких, которые способны транслировать «народные требования» и «стоять за народные нужды». То есть концепт «лучшие люди» по смыслу ясно интерпретирован и связан с понятиями «народ», «народные требования». А вот уже в следующем тезисе, касающемся условий для успешной реализации этих народных требований, автор использует концепт «русский народ» как оппозицию понятиям «насильники» и «угнетатели» в качестве репрезентаций «власти». Для интерпретации употребления понятия «русский народ» важно отметить, что автор вкладывает в него не только и не столько этнокультурное, но и социальное смысловое наполнение. Однако, как видим, в образе «избранников народа» отсутствуют какие-либо характеристики, репрезентирующие их как представителей власти. Наоборот, «власть» прописана как «образ иного/чужого», а «новое учреждение» и «народные избранники» выступают в образе «своих» по отношению к «русскому народу». Об этой очень значимой черте в восприятии современниками «народных избранников» с полным основанием можно говорить как об устойчивой характеристике в конструировании их образа, что будет подтверждено и последующим анализом текстов.

Пока же проинтерпретируем нарратив О.А. Вилькенштейн, раскрывающий образ избирателя, сконструированный автором на основе прочтения избирательного закона как несправедливого. Так, в репрезентации образа «избирателя» как *небольшой части народа*, получившей право голоса, «большая часть *рабочих*, весь *безземельный сельский люд*, все *женщины* и многие другие совсем не получили права голоса». Вновь система используемых понятий в дополнение к обобщенному концепту «большая часть народа», лишенная права голоса, — рабочие, безземельный сельский люд, все женщины — свидетельствует о доминировании в содержании понятий социального контекста. Интересно, что «небольшая часть народа», получившая право голоса, т.е. избиратели, не имеют в приведенном тексте социального измерения, а дифференцируются на «избирателей» и «вы-

¹⁹ Вилькенштейн (Ольгович) О.А. Кого и как выбирать в Государственную Думу М., 1906. С. 4–5.

²⁰ Там же. С. 14.

борщиков» в оптике видения национальной специфики выборной системы в Российской империи и связанных с ней возможностей для манипулирования ими правительством в ходе выборной кампании. Так, О.А. Вилькенштейн акцентирует положение о том, что получившие право голоса «должны его подавать не прямо за депутата, а сначала за уполномоченных, эти — за *выборщиков* и лишь выборщики за депутата». Такая система, известная современному исследователю как непрямые и неравные выборы, обусловлена, по мнению писательницы, расчетом правительства на то, что на десятки и сотни тысяч *избирателей* воздействия оказать весьма затруднительно — «не устранишь и подкупом не возьмешь», а с *выборщиками* дело иметь проще — «кого постращать, кого подпоить, а то — чего проще — засадить *неудобного выборщика* в тюрьму, — и дело в шляпе»²¹. Высказанные суждения подкреплены автором конкретными примерами подобных действий властей в отношении намеченного в депутаты *селянами* Я.А. Гужовского в Дремайловской волости Черниговской губернии, которого начальство, узнав о *намерениях селян*, тут же арестовало, да еще и стало пугать крестьян, намекая, что им же хуже будет, как и ему самому. Но крестьяне «не испугались и все же Гужовского, хоть и засаженного в тюрьму, выбрали»²².

В брошюре О.А. Вилькенштейн приводятся и другие примеры приобретения опыта новым русским избирателем «на местах», один из которых относится к «выборным технологиям», имевшим место в Ставровской волости Владимирского уезда Владимирской губернии. Там «волостной старшина» добился своего избрания тем, что «поставил избирательный ящик не с одним, а с двумя отверстиями, так что всем было видно, куда *избиратель* кладет шар». Кроме того, для «чистоты» эксперимента, «старшина стоял у ящика и указывал, куда класть». О «проделках» «*начальства*» и помощи со стороны разных черносотенцев и «*правительственных приспешников*», включая членов «Союза 17 Октября», свидетельствует и упомянутый автором случай, когда один из «октябристов» «подходил ко всем *неграмотным избирателям* и писал, кого хотел». Другим проявлением «помощи» властям был пример, когда «черносотенная дама рвала у *темных избирателей* списки с именами кандидатов, стоящих за *народ*». Очевидно, что в текстах О.А. Вилькенштейн присутствуют дифференцированные характеристики «нового русского избирателя». Так, сконструированный автором образ имеет лексические вариации его наполнения социальным контентом через понятия «выборщики-крестьяне», «селяне», «народ». В то же время автор не

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же. С. 9–10.

ограничивается такими оценочными характеристиками степени сознательности избирателя, как «неграмотный» и «темный», которому противопоставит образ «власти», манипулирующей этим «темным избирателем» через неких медиаторов, именуемых общими понятиями «начальство», «правительственные приспешники» и даже их персонифицированными характеристиками, как например, «черносотенная дама». В этом образе присутствует и репрезентация русского избирателя через концепт «неудобный избиратель», т.е. осознанно действующий в процессе выборов кандидата в народное представительство. Именно наличие «неудобного избирателя» явно мешало «властям», их проводникам манипулировать избирателем. Так, автор подкрепляет свою позицию о нарушениях во время выборов, совершенных властями и их помощниками, примерами подкупа, совершенного, в частности, во время выборов в Нижегородской губернии. Там «какие-то лица приглашали *выборщиков-крестьян* в гостиницу, угощали их там напитками и закусками и предлагали подавать голося за одного купца-миллионера, да за председателя уездной управы. Правда, угощение не помогло, и крестьяне выбрали *своего же брата-крестьянина* Глотова».

Приведенные наблюдения суфражистки, активного общественного деятеля, разделявшего взгляды социалистов-революционеров, О.А. Вилькенштейн, позволили ей сделать вывод о том, что несмотря на использование «административного ресурса» и поддержки «правых» «народ уже при первых выборах ясно осознал необходимость послать в Думу *«своих людей»*. Как видим, автор характеризует мотивацию выборщиков-крестьян оценочными концептами-характеристиками идентичности «избирателя» и «избранников» в координатах «свой», «из своих», а приспешникам власти, чиновникам, правительству отводится роль «чужого».

О предоставлении народу права выбора своих избранников и права участия в решении политических вопросов писал Борис Васильевич Авиллов (1874–1938) в брошюре «О Государственной думе»²³. Человек трагической судьбы, член РСДРП, много лет участвовавший в революционном движении, неоднократно арестовывался царским правительством, был выгнан из Московского университета за участие в студенческих волнениях, получил-таки юридическое образование в Харьковском университете. Был расстрелян в 1938 г. и реабилитирован в 1958 г. В своей брошюре Б.В. Авиллов писал о выборах и условиях их проведения, отмечая, что «свободы правительство не дает, но в то же время хлопочет о том, чтобы поскорее

---

²³ Авиллов Б.В. О Государственной думе. М., 1905.

произвести выборы представителей в Государственную думу. Как же так? Ведь если *населению* нельзя дать свободы, то как же можно предоставить этому населению выбирать своих представителей для участия в государственных делах?»²⁴. Автор подчеркивает необходимость для верховной власти сделать выбор: либо признать *население настолько незрелым*, что ему не позволяют даже судить о своем положении и существующих порядках, а тем более принимать участие в решении государственных дел, хотя бы и через своих представителей, либо, признавая право за населением выбирать своих уполномоченных для решения государственных дел вместе с правительством, идти и дальше, т.е. признавать *право народа* пользоваться свободой собраний и слова и обсуждать и решать, кого выбирать своими уполномоченными. Как видим, в тексте брошюры Б.В. Авилова речь идет об отсутствии необходимых условий для формирования «нового русского избирателя», т.е. о необходимости признания правительством (властью) «зрелости населения», «права народа» выбирать своих представителей для участия в государственных делах «через своих представителей». Без выполнения этих условий, по мнению автора, нет оснований говорить о рождении «нового русского избирателя».

Отрицая наличие условий для формирования на тот момент «из населения» русского избирателя, характеризуя его потенциальный образ как активного, сознательного и зрелого участника публичного дискурса о кандидатах в депутаты Государственной думы, Б.В. Авиллов очертил контуры образа «народных избранников», «выборных» как трансляторов и проводников желаний и нужд населения: «*Выборные от населения*, которые признаются к участию в Государственной думе, должны знать желания и нужды этого населения, чтобы они могли быть действительными *представителями* его. А если они не знают этих желаний и нужд, то они, конечно, не могут считаться *представителями населения*. Тогда незачем их и выбирать, так как *выборные* будут так же далеки от населения, как далеки от него *правительственные чиновники*»²⁵. Как видим, при характеристике образа потенциальных народных избранников, будущих депутатов Государственной думы акцент опять сделан на их соответствии статусу «представителей населения», чувствительных «к желаниям и нуждам этого населения», которые бы в то же время коренным образом отличались от «правительственных чиновников», представляющих «власть». Восприятие «выборных от населения» этим населением как «своих» в отличие от правительственных чиновников, выступающих

---

²⁴ Там же. С. 3–4.

²⁵ Там же.

в образе «чужого», присутствует и в приведенном высказывании современника «левых взглядов» Б.В. Авилова.

Надо сказать, что устойчивость смысловая сопровождается вариативностью лексической репрезентации образов избирателя и избранников, что, в частности, подтверждается текстами авторов различных политических предпочтений. Так, в воспоминаниях октябриста, депутата Государственной думы третьего и четвертого созывов, выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Н.В. Савича (1869–1942) говорится, что «за двести лет, протекших после упразднения при Петре Великом последних остатков участия *общественных представителей* в управлении государством, *русское общество* отвыкло от ответственного участия в распоряжении судьбами страны»²⁶. Как видим, автором используется концепт «русское общество» в качестве репрезентации русского населения, а также он заменяет часто употребляемую в дискурсе характеристику народных представителей как «выборных от населения» на концепт «общественные представители». Есть различия и в смысловом наполнении названных концептов. В частности, автор высказывает суждение о забвении русским обществом об «ответственном участии» общественных представителей в управлении государством, в распоряжении судьбами страны, представляя таким образом «скрытую», непрописанную в тексте надежду на возрождение «общественными представителями» этого «ответственного участия».

Продолжение и развитие характеристики образа «народных избранников», его актуализации в плане наблюдения их как акторов в политической сфере можно найти в воспоминаниях А.В. Тырковой-Вильямс (1869–1962), выпускницы Высших женских курсов по математическому отделению, члена ЦК партии кадетов. В частности, она писала о том, что «народные представители, увлеченные борьбой, ... опьяненные политическими возгласами, обличениями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией, — за законодательство», так как «слишком еще кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом». Отмеченную оппозицию «народных избранников» и «власти» в восприятии современниками эта мудрая женщина объясняла тем, что «власть с неостывшей обидой побежденного, и народные представители с злорадным торжеством победителей помнили, что Дума пришла не сверху, а была навязана снизу», т.е. «явилась в результате широкого

---

²⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 14.

самочинного освободительного движения, которое многие просто называли революцией»²⁷. Как можно заметить, в мемориальном дискурсе о выборах участник деятельности Думы первого созыва дает эмоциональные репрезентации образов «народных представителей» и «власти» как «победителей» и «побежденного». Однако временная дистанция позволила здраво оценить и «опьянение» борьбой и победой народных представителей, и их бездействие в сфере законотворчества — того, чего добивались с такой бурной энергией.

Как известно, «разочарование во власти» перводумцев, с одной стороны, и агрессивное неприятие этой властью «народного представительства», с другой, проявилось в том, что значительная часть членов I Государственной думы собралась в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского, и приняла воззвание, в котором призвала население к пассивному сопротивлению властям. Вопреки ожиданиям авторов «Выборгского воззвания» роспуск Думы не был замечен народом и не вызвал политического кризиса, но последовали административно-политические меры против думцев, подписавших воззвание. Так, по свидетельствам современников, вскоре после поездки бывших «лучших людей» в Выборг в правящих сферах приступили к обсуждению «крамольного» поведения “врагов отечества”. Тогда “слежение” за бывшими депутатами началось повсеместное и выдающееся по своей бесцеремонности»²⁸. Закончилось это, как известно, тем, что 167 человек, в том числе бывший председатель Думы С.А. Муромцев, были приговорены к трехмесячному тюремному заключению и лишены избирательных прав.

Однако, если со стороны властей репрессии и агрессивное неприятие Государственной думы было в какой-то степени ожидаемо или, во всяком случае, объяснимо для депутатов по прошествии времени, то неприятие народом «народных представителей» было для них болезненным и обернулось «травмой памяти»²⁹.

Проведенный анализ «электорального» дискурса современников по поводу «участия общества в судьбах страны» позволил выявить систему представлений современников из «образованного общества» об избирателе и народных избранниках, которая отражена в текстах и закреплена в языке, в сознании современников через устойчивые выражения, риторические формулы, понятия и концепты. Методология дискурсивного анализа позволяет считать

---

²⁷ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 399.

²⁸ Там же.

²⁹ Селунская Н.Б. Народное представительство Российской империи начала XX в. в памяти и судьбах думцев // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 137–149.

контуры образов «русского избирателя» и «народных избранников» явно не совпадающими с репрезентациями выборщиков и депутатов Думы в статистических и делопроизводственных материалах. Несомненно, эти образы отличаются неполнотой и субъективностью. Однако значимость конструируемых современниками образов избирателя и избранных для историка очевидна, так как передает и даже помогает понять характер отношений внутри социума, поведение современников, их позицию и оценку событий, происходивших в российском обществе начала XX в. Раскрывая аутентичный смысл понятий, которыми пользовались современники, можно уяснить ценностный мир, правила социальной коммуникации людей в такой значимый, поворотный исторический период, каким был период реформ и революций в России начала XX в.

References

I'in M.V. *Politicheskiiy diskurs kak predmet analiza* [Political Discourse as a Subject of Analysis] // *Politicheskaya nauka. Politicheskiiy diskurs*. 2002. N 3. P. 7–19.

Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aleteia, 2006. 255 p.

Kalashnikov M.V. *Istoriko-semanticheskiiy analiz v istoricheskom issledovanii: ot istorii ponyatii k istorii obshchestvennogo soznaniya* [Historical and Semantic Analysis in Historical Research: From the History of Concepts to the History of Public Consciousness] // *Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theory, Methods, and Perspectives] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: URSS, 2010. P. 368–390.

Kerov V.V. *Otnosheniye krayne pravyykh k dumskim uchrezhdeniyam predvoyoynogo perioda* [Attitude of the Radical Right to the Duma Institutions in the Prewar Period] // *Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast'* [Russia in the 20th Century: People, Ideas, Power] / Ed. by A.K. Sokolov, V.M. Koz'menko. Moscow: ROSSPEN, 2002. P. 80–101.

Koposov N.E. *Istoriya ponyatii vchera i segodnya* [Conceptual History Yesterday and Today] // *Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aleteia, 2006. P. 9–32.

Kosellek R. *Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii* [Social History and Conceptual History] // *Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aleteia, 2006. P. 33–53.

Koshkid'ko V.T. *Predstavitel'naya vlast' v Rossii v nachale XX v. v dorevol'yutsionnoy istoriografii* [Representative Power in Russia at the Beginning of 20th Century in Pre-Revolutionary Historiography] // *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiiy vestnik* [History and Historians: Historiographic Courier]. 2005. Moscow: Nauka, 2006. P. 154–171.

Lubskiy A.V. *Intellektual'naya situatsiya v istoricheskoy nauke posle postmodernizma* [Intellectual Situation in Historical Science after Postmodernism] // *Istoricheskoye poznaniye i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Knowledge and the Historiographic Situation at the Turn of the 20th and 21st Centuries] / Ed. by O.V. Vorob'yeva, Z.A. Chekantseva. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 7–22.

Miller A.I. “Narodnost” i “natsiya” v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nyye nabroski k istorii ponyatiy [“Peoplehood” and “Nation” in Russian Language of the 19th Century: Preparatory Sketches to the History of Concepts] // *Rossiyskaya istoriya*. 2009. N 1. P. 151–165.

Patrikeyeva O.A. *Rossiyskaya obshchestvennost' i vybory v I i II Gosudarstvennyye dumy (1905–1907 gg.)* [The Russian Public and Elections to the I and II State Dumas (1905–1907)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 205 p.

Porshneva O.S. *Stanovleniye distsiplinarnoy paradigmy sovremennogo istoricheskogo znaniya, yeye vozmozhnosti i ogranicheniya* [Formation of Disciplinary Paradigm of Modern Historical Knowledge, Its Capabilities and Limitations] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series “*Istoriya, filologiya*”. 2013. Vol. 12. N 1. P. 784–791.

Selunskaya N.B. “Narodnoye predstavitel'stvo” Rossiyskoy imperii nachala XX v. v pamyati i sud'bakh “dumtsev” [“People's Representation” of the Russian Empire in the Early 20th Century in the Memory and the Fate of the “Members of the Dumas”] // *Istoricheskyy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2021. N 4 (37). P. 137–149.

Selunskaya N.B. *Sovremennyy yazyk istorika-professionala (retsenziya na knigu: Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskyy slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. 576 s. (Obrazy istorii; otv. red. serii L.P. Repina))* [Modern Language of the Professional Historian (Review of the Book: Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / Ed. by A.O. Chubar'yan. Moscow: Aquilon, 2014. 576 p. (Images of History; series ed. by L.P. Repina))] // *Istoricheskyy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2015. N 2 (26). P. 251–253.

Selunskaya N., Torstendahl R. *Zarozhdeniye demokraticeskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka* [The Birth of Democratic Culture: Russia in the Early 20th Century]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 335 p.

Timofeyev D.V. *Metodologiya istorii ponyatiy v kontekste istorii dorevol'yutsionnoy Rossii. Perspektivy i printsipy primeneniya* [Methodology of the Conceptual History in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia. Prospects and Principles of Application] // *Dialog so vremenem*. 2015. N 50. P. 116–138.

Wrzosek W. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and Historical Truth]. Moscow: “Krug”, 2019. 336 p.

Wrzosek W. *O neobkhodimosti kul'turologicheskoy distantsii v istoricheskikh issledovaniyakh* [On the Need for Culturalogical Distance in Historical Research] // *Istoricheskoye poznaniye i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Knowledge and the Historiographic Situation at the Turn of the 20th and 21st Centuries] / Ed. by O.V. Vorob'yeva, Z.A. Chekantseva. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 61–74.

Поступила в редакцию
17 ноября 2022 г.